

Содержание

От автора.....	3
Там, где тебя еще нет... (<i>Роман</i>)	4
Освобождаясь от иллюзий. (<i>Взгляд психотерапевта</i>)	212
Почему я написала эту историю	246

*Моя глубокая признательность всем тем,
кто был причастен к созданию этой книги.*

*В первую очередь моему психотерапевту Елене Б.
и всем моим клиентам, отважившимся на это путешествие.*

Процесс психотерапии невозможно описать во всей его полноте. Написанная мной история — одна из многочисленных попыток сделать это: описать неопишуемое. Практически невозможно в одном рассказе, романе полно и достоверно изобразить счастье, страдание, искания или любовь. Не получится. Столько книг про это написано, и все же каждая история, каждый автор вносят что-то новое в то, что уже рассказано ранее кем-то другим. Вот вам и моя капля в этом море. Почти не выдуманная история и статья в одной книге об одном и том же удивительном процессе. Психотерапия в жизни современной девушки и метафоричная жизнь героя, проживающего этот путь в легенде, сказке или, может быть, в чьем-то сне. Для того, кто еще не решился отправиться в этот путь, и для тех, кто уже там — на пути к своей новой жизни.

Ирина Млодик

Там,

где тебя

еще

нет...

нет...

где

где тебя

там,

Никто не мог ему рассказать, когда и где он родился. Да и много лет этот вопрос его нимало не волновал. Его вообще мало волновали вопросы. Там, где он жил, у всех вокруг была одна задача — уцелеть, а задумываться о том, кто и при каких обстоятельствах дал тебе жизнь, было не принято или чревато откровением, за которое, возможно, пришлось бы дорого заплатить.

Сейчас середина промозглой зимы, и тусклый свет растворяет темноту лишь на несколько часов, и еще туман... Всегда туман. Старожилы рассказывали, что когда-то, на заре времен, бывали дни, когда привычная пелена неожиданно рассеивалась в той части острова, где Город спускается к самому морю, и тогда можно было увидеть солнце и там, далеко на горизонте, — неведомые земли. Мир без тумана? В это верилось с трудом даже тем, кто обладал богатым воображением.

Сколько он жил, ему никогда не удавалось по-настоящему увидеть солнце, всего лишь особенный, чуть желтоватый свет сквозь туман. Лишь строжайший запрет Правления на обсуждение идей существования других земель, солнца, иной жизни вызывал в нем смутное чувство, что, может быть, то, о чем говорят смельчаки, — правда. И их остров вовсе не остров, а часть материка. И если идти много-много дней на восток, то можно дойти до огромной Горы, которую, правда, еще никто не мог одолеть или же

обойти. И что солнце — круглое и ровное, как тарелка, и что оно меняет цвет, становясь почти красным незадолго до того, как наступит полная темнота.

Его не волновали другие земли, недоступная Гора или то, насколько бесконечно море, но за возможность хоть краешком глаза увидеть настоящее солнце он бы отдал многое. Впрочем, многое отдать все равно бы не получилось, так как он не обладал ничем большим, чем любой другой житель острова. Это приносило успокоение. Если ты такой как все, то и жертвовать нечем. Поэтому он разделял мнение Правительства, вынесшего запрет на обсуждение этих нереалистичных идей. Будоражающие мысли о других землях только беспокоили, вносили смуту, рождали тревогу и желание что-то предпринять, а предпринимать-то было и нечего. Из ныне живущих никто не видел всего этого. Все сказки, домыслы, дурь.

Когда он не был одержим грезами о солнце, ему вполне нравился туман. Конечно, не такой, как сегодня: холодный, пронизывающий, делающий тебя мокрым изнутри, воняющий сырой землей и корой деревьев. А летний туман — легкий, пахнущий морем, водорослями, рыбой, пронизанный солнцем, которое хоть и не проникало сквозь эту завесу, но чувствовалось в каждой капле. В детстве он был уверен, что именно солнце пахло водорослями и морской водой, а не летний туман.

Весной и осенью туман становился просто декорацией к дождям, которые с грохотом стучали по крышам и водоотводам, откуда по специальным желобам вся вода потом уходила в море. Жители города в межсезонье всегда поминали добрым словом своих

предков, которые несколько столетий назад построили всю эту хитрую систему отвода воды. Потому что поздней осенью, темными ночами, когда начинал дуть безжалостный и неотвратимый северный ветер, особо чувствительным начинало казаться, что когда-нибудь очередной ливень просто смоев их всех в соленую бездну, беспощадно слизнет целый город.

Дождь и ветер он не любил, туман же был ему другом. Всего пять-семь шагов — и ты в безопасности. В этой белесой завесе так легко стать незаметным, исчезнуть, перестать существовать. В тумане растворяются краски, все становится силуэтным, нечетким, призрачным, звук же, наоборот, получается глубоким и ясным, как будто приобретает очертания, форму.

Он с детства узнавал всех соседей своего квартала по шагам, и пока окружающие всматривались в непроглядную муть, пытаюсь понять, что за человек приближается к дверям, он уже заранее знал, кто это: тучный мельник, живущий за углом, пышнотелая молочница, подарившая городу уже восемь таких же пухленьких, как она, детишек, или старый рыбак со своим сыном.

Вообще, рыбаки жили в Нижнем Городе возле лагуны, которая была утыкана их лодками, точно нарукавник булавами у молоденькой портнихи Берты, что жила на первом этаже единственного розового дома в их квартале. Старому же рыбаку приходилось каждый день в любую погоду, кроме зимних штормов, подниматься кривыми улочками в гору, таща с собой сети и часто весьма скудный улов.

Поговаривали, что раньше он был художником, но когда его жена стала чахнуть от какой-то неведомой местным докторам болезни, ему пришлось за-

няться переработкой рыбы в лагуне, чтобы заработать на лекарства. Там он простудил руки, от чего его пальцы распухли и скрючились. Воспаленные суставы причиняли нестерпимую боль, руки вскоре потеряли всякую чувствительность к кисти и углю. Полотна и краски были заброшены, тем более что картины на острове всегда раскупались плохо и больше из симпатии к художнику, чем из потребности в красоте. Кисти были убраны в сундуки, а жена умерла с наступлением летних туманов.

Соседи всем кварталом купили вдовцу лодку, и с тех пор он стал рыбаком и очень быстро состарился. Они с сыном со временем как будто смирились со своей рыбацкой судьбой, но перебираться в Нижний Город не хотели, не могли расстаться с дорогим их сердцу домом, где с портретов, развешанных по стенам, грустно улыбалась дорогая их сердцу женщина. Сын рыбака любил рассказывать ребятам, что из их окна можно было бы увидеть другие земли, если бы, конечно, не туман. Но никто в это не верил, даже легковверные мальчишки.

Квартал жил бедно, но дружно и открыто. Тайн не было, да их и не могло быть, во всяком случае, для него — Ганса. По голосам и звукам он мог воссоздать любую картину из соседской жизни у себя перед глазами, скрыть хоть что-то не могли ни дожди, ни стены. Туман создавал лишь видимость укрытости от чужих глаз, так же как крепостные стены города — ложное ощущение защищенности от невидимого врага, крыши — иллюзию защиты от межсезонных дождей. Лишь водосточные трубы в этом городе работали надежно, иначе Нижний Город уже давно бы затопило, да и Верхний Город, казалось, тоже мог бы

уйти под воду, если бы не эта вершина мастеровой мысли — городские водостоки.

Ему нравился его Город. Он гордился тем, что живет именно здесь, среди этих людей, что занимается очень важным делом — шьет сапоги. Кому, как не ему, узнавать своих соседей по шагам. Ведь по мостовой стучали, шаркали, подсакивали, прихрамывали его сапоги, ботинки, сандалии. Говорят, он был хорошим сапожником. У него шили обувь не только жители Верхнего, но и знатные люди из Главного Города, они, правда, укутывались в дорогие плащи и глубоко надвигали шляпы, пряча глаза, но мастеровых не обманешь, знатных господ видать за версту даже в тумане.

Еще несколько лет назад он придумал новый состав клея, который помогал обуви дольше оставаться сухой, не промокать в дождях и вечной мороси. Смола с корявых деревьев, что растут к западу от крепостных стен, показалась ему достаточно клейкой, к тому же он заметил, что вода на ней всегда собирается в капельки и кора под смолой всегда остается сухой. Новый клей отлично склеивал подошвы, пропитывал стыки, стежки, щелки. Ботинки получались почти непромокаемыми, по крайней мере, их хватало на одну долгую дождливую осень.

Ганс жил простой, почти счастливой жизнью. Его ценили как сапожника. Берта любила останавливаться перед его мастерской и пересказывать последние новости и сплетни. Соседи никогда не отказывались помочь, да и он сам всегда был рад прийти на помощь любому. Правительство заботилось о том, чтобы враг не проник в Город. Дожди обеспечивали Ганса работой, туман — укрытием.

Летом он часто пропадал за городом, где собирал драгоценную смолу, зимой — на ярмарке кож, весной спускался в лагуну помогать старому рыбаку конопатить и приводить в порядок разваливающуюся лодку. Осень всегда приносила много заказов, и он работал особенно усердно, часто не успевая хоть раз за день выйти на улицу, где туман из-за проливного дождя поднимался над землей чуть выше, чем обычно.

Он любил свой Город, делал, что следовало, чувствовал себя нужным и был доволен тем, что имеет. Только почему-то именно сегодня, в это промозглое зимнее утро, в его сердце поселилась какая-то смутная тоска, которая к обеду, изрядно побродив по его телу, оформилась наконец в тревожный вопрос: как и когда он родился?

У молочницы Марты вчера мальчишке, пятому по счету, исполнилось семь лет. Был праздник, пироги, угощение. А сегодня он впервые вдруг задал себе вопрос: когда же его день рождения? Вопросы поселили в нем настоящий ужас, переходящий в панику, потому что он вдруг понял, что не знает о себе очень важных вещей. Не знает, сколько ему лет, кто его родители, где они. Лавина вопросов, внезапно возникнув, чуть не погребла его под собой. Он выбежал на улицу из своей пропахшей клеем и кожей мастерской и стал метаться от двери к двери, задавая эти вопросы каждому, кого удавалось застать дома. Но никто из соседей почему-то не мог рассказать ему, как и когда он появился на свет.

Они говорили:

— Ты жил здесь всегда. Всегда, сколько мы себя помним.

— Ганс, зачем тебе это? Зачем тебе знать, как ты родился?

— У тебя не было родителей, с тобой всегда жила лишь старая добрая Жильберта, царствие ей небесное.

— Мы и правда никогда не праздновали твоего дня рождения. Значит, ты можешь выбрать себе любое число, любое, какое тебе понравится.

— Сколько тебе лет? Да... сколько же? Ну, наверное, примерно столько же, сколько сыну рыбака. А ему недавно исполнилось двадцать пять. Значит, и тебе двадцать пять, ну максимум — двадцать шесть. Марта, ты как считаешь, Гансу нашему есть уже двадцать шесть? Вот видишь, и Марта так считает...

Она не любила Москву, особенно ранней зимой, когда весь город становился серым: небо, дома, лица, грязь под ногами. Все теряло краски. Все лишалось смысла. Ей казалось, что если поместить камеру на самый высокий фонарь возле входа в метро, то картина на видео в ускоренной перемотке была бы удручающей в своей бессмысленности. Толпы серых людей обреченно и сонно серым зимним утром входят в мрачное подземелье. Оно полдня жадно пожирает их только затем, чтобы ближе к вечеру начать выплевывать такими же серыми и усталыми на грязную мостовую.

Ну и смысл?

Это был ее любимый вопрос. Точнее, ответ. Никто не мог убедить ее в том, что кто-то в этой серой толпе сегодня спас чью-то жизнь, а кто-то безумно

влюблен, а вон та девушка в белом берете улыбается, потому что пожилой врач наконец поздравил ее с долгожданной беременностью. Все неправда. И смысла нет. Потому что все равно любая, даже самая великая любовь рано или поздно заканчивается, дети, вырастая, оставляют родителей, самая любимая работа надоедает, ни один начальник не в состоянии оценить тебя по достоинству, денег всегда не хватает, в отпуск ехать не с кем, и в конце концов мы все умрем. Тогда зачем все это?

Предаваясь этим мрачным мыслям, она тем не менее чувствовала себя особенной, возвышенно-печальной и гордо одинокой. Ей казалось, что знание о бессмысленности существования выделяет ее среди этих простых людей, чья наивная вера в смысл жизни двигает их каждый день к дверям метро и обратно. Она — не они. Это самое главное. Она — другая. Ее зовут Анна.

Этим мыслям она обычно отдавалась по дороге на работу, сладостно упиваясь страданием. Меланхоличная тоска с легким привкусом философии позволяла ей хоть как-то пережить злобную тесноту в вагонах и унылые очереди на эскалатор, отвлекала от вида профессиональных нищих в переходах под стоящим в пробках проспектом, разрешала не присоединяться к этому утреннему московскому безумству, которое охватывало и ее, стоило только начать думать о работе.

Работа делала ее никем. Она была бухгалтером в небольшом банке, точнее, даже в филиале этого ну очень небольшого по московским меркам заведения. У нее экономическое образование и уже три года опыта работы. Но на самом деле она никто. Именно

с этим ощущением она день за днем привычно входила в неудобное помещение с одинаковыми серыми столами, искусственным освещением и вечно гудящими компьютерами.

Никчемность вползала в нее еще на входе, когда она автоматически махала вечно угрюмому охраннику своим отвратительно-серым пропуском и, на ходу снимая пальто, погружалась в эту серую дремоту, восьмичасовую медитацию — сон наяву.

Ее работу мог бы делать и примат, достаточно владеющий пальцами, чтобы тыкать в клавиатуру на ее компьютере времен покорения татарами Крыма. Примат к тому же значительно лучше нашел бы общий язык и с их главным бухгалтером, ибо особи одного вида без труда способны понимать друг друга. Феоктист Петрович (имя для примата, конечно, труднопроизносимое, зато очень главнобухгалтерское) был броваст, длиннорук, занудлив и незатейлив. Говорил много, но в основном междометиями. Любил тыкать своими длинными обезьяньими пальцами в ее бумаги и из длинных слов знал, казалось, только одно: «Переделайте!».

Она считала себя значительно умнее Феоктиста Петровича. Это была ее роковая ошибка, поскольку ее начальник примитивным чувством главного гиббона улавливал ее необоснованную заносчивость и, не замечая в ней радостного желания отреагировать повышением рабочего энтузиазма на его очень справедливые замечания, как правило, обреченно вздыхал и произносил единственную длинную фразу, на которую был способен:

— У вас нет будущего, Дерзкая, из вас никогда не получится главного бухгалтера.

Фраза должна была пригвоздить ее к полу, открыв ей ужасную правду о собственной бесперспективности, должна была включить амбиции, зажечь в ней неугасаемое желание стать лучшей работницей в отделе, чтобы потом, когда через двадцать лет старый гиббон загнетса над своими годовыми отчетами, это почетное место предложили именно ей. Желание не появлялось, но Петрович был странно упорен. А вдруг? Кстати, «дерзкая» — это вовсе не колкая, изящная метафора. Приматы не способны к образному мышлению. Дерзкая — это ее фамилия. Спасибо мамочке.

Самое кроткое и тихое в их сибирском городке существо, ее мать, носила эту фамилию и передала ее по наследству дочери, тоже не соответствующей этому красивому яркому слову. Бедная мамочка с безосновательным пафосом называла дочь «столичным банковским работником» и была убеждена, что жизнь в свибловской арендованной однокомнатной клетке, на оплату которой уходила основная часть заработка, — достойный восхищения этап на пути восхождения к карьерному и всему прочему счастью. Для мамочки, заслуженного библиотекаря, столичная жизнь Анны вполне соотносилась с их фамилией.

Мама не любила приезжать в гости, была в Москве лишь однажды и ни разу не вышла из дома без сопровождения.

Анна совсем не ощущала себя дерзкой. Ну разве что где-то очень-очень глубоко в душе. Значительно чаще она чувствовала себя никчемной, блеклой, потерянной... точнее, не найденной. Иногда в этом большом городе, где так много людей, что никому ни до кого нет никакого дела, она казалась самой

себе ребенком, оставленным родителями. Они, приехав по делам в этот огромный мегаполис, попросту забыли ее на вокзале, уезжая в какой-то свой тихий и волшебный город, где их ждут уютный дом, дружная большая семья, камин в гостиной и большая добрая собака во дворе. И потому ей надо просто жить и дожидаться того момента, когда они вспомнят об утерянной дочери, вернутся за ней со слезами и подарками и заберут ее в красивый дом, избавив от всех печалей, тревог и вездесущего серого цвета... На этом ее мечты обрывались. Она не представляла, чем бы занималась в этом красивом доме и волшебном городе после слезно-радостного воссоединения с родственниками. Думать про это было уже не интересно. Главное — найтись и попасть домой.

Через неделю ей стукнет двадцать семь, и сегодня она предпочитает пялиться в опостылевшие платежки или упиваться бессмысленностью существования, а не думать о том, что час «икс» приближается. Когда-то в свои смутно-депрессивные пятнадцать, после очередной несчастной и невзаимной любви, она дала себе зарок, что если к двадцати семи годам не станет счастливой, то и жить тогда незачем, потому что после двадцати семи шансы на счастье стремительно испаряются. Будучи по натуре пессимистичной и рациональной, она скрывала от самой себя, что ждала этой заветной цифры точно так же, как маленькие дети ждут Деда Мороза: с замиранием сердца, непоколебимой верой в чудо и едва уловимым страхом того, что волшебный старик по несправедливой случайности может обойти их дом стороной.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru